

И.А. ИЛЬИН О РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РОССИИ

Томский государственный университет

Имя выдающегося русского религиозного мыслителя И.А. Ильина (1882–1954), высланного в 1922 г. из России в составе большой группы ученых и общественных деятелей, получает все большую известность на родине. После долгого забвения его творчество становится доступным для соотечественников: переиздаются и издаются впервые его многочисленные работы, публикуется его эпистолярное наследие, недавно в Россию из США был передан архив ученого. Тексты Ильина привлекают к себе внимание специалистов различных отраслей гуманитарного знания, включая историков. Отличительной чертой его произведений, центрированных на российской проблематике, является их фактографическая насыщенность и методологическая многоплановость, связанная с новаторским для своего времени широким применением автором междисциплинарных технологий. Это позволяет рассматривать произведения Ильина в качестве важного источника – как в части собственно историографической, так и в части методологической, изучение которого может способствовать углубленному постижению российского исторического процесса.

В обширном комплексе проблем, неизменно привлекавших внимание Ильина, одно из ключевых мест занимает революция 1917 г. в России – как событие, радикально изменившее облик отечественной культуры и заметно повлиявшее на направленность и характер общемировых процессов. Оригинальность представлений Ильина о природе русской революции репрезентативно высвечивается в свете проблемы преемственности и разрыва отечественной истории, актуальность которой несомненна и для современной меняющейся России. Следует подчеркнуть, что в первое пореволюционное время ученый воспринимал революцию позитивно, рассматривая ее в качестве общенациональной формы борьбы за справедливый правопорядок, полагая, что ее основной задачей являлось цивилизованное переформатирование российской политической системы [1, с. 80]. В связи с этим им была обозначена актуальная и ныне проблема качественного состояния правосознания народа как ключевого фактора социально-культурной модернизации.

Вскоре, однако, он утратил веру в созидательный потенциал революции. В эмигрантский период творчества Ильин сосредоточил свое внимание на втором компоненте проблемы преемственности и

разрыва, став выразителем крайнего неприятия советского варианта модернизации, инициированной революцией. Анализ этого блока историко-философских размышлений Ильина не только способствует углубленному постижению природы революции, но и показывает, что доведенное до крайности акцентирование внимания на проблеме разрыва препятствует пониманию исторического процесса в его полном объеме и противоречивом единстве.

Несмотря на возросший интерес к творчеству Ильина, до настоящего времени его историко-философская концепция революции получила лишь фрагментарное освещение [2–4]. Пожалуй, наиболее репрезентативно спектр мнений относительно теоретических представлений автора о революции представлен в материалах полемики, развернувшейся вокруг его наиболее известного произведения «О сопротивлении злу силой» (1925) [5]. Представляется оправданным в рамках данной статьи проанализировать некоторые положения концепции революции Ильина в свете проблемы преемственности и разрыва. Объективности исследования призвано способствовать привлечение обширного корпуса источников, в состав которого включены работы Ильина эмигрантского периода творчества (1922–1954 гг.).

Концепция русской революции Ильина, не сводимая к политическому дискурсу, нацеленная на комплексное осмысление этого ключевого события отечественной истории XX в., связана с его религиозно-философскими представлениями. Важным нюансом этих последних являлось его восприятие революции в качестве результата «Божьего попущения», «Божьего перста, ведущего к духовному очищению, перерождению и обновлению национальной жизни», что, конечно, не отождествлялось с Божьей волей [6, с. 235.] Ярким свидетельством серьезности этой темы не только для Ильина, но и для многих носителей религиозного сознания является дискуссия относительно проблемы провиденциальности революции, развернувшаяся среди ряда представителей эмигрантской русской историко-философской мысли, информация о которой зафиксирована в протоколах Братства Святой Софии [7, с. 46–63].

Согласно Ильину, целью провиденциально обусловленных испытаний являлось напоминание народу о необходимости восстановления «Божественно-предметного ритма» жизни и следования своему национально-религиозному предназначению. Пояс-

няя свое понимание смысла произошедших в России событий, Ильин писал: «Испытания и лишения, унижения и муки должны... возродить “Святую Русь” в душе русского народа. В этом религиозный смысл революции» [8, с. 354]. Никакого иного смысла революции в России мыслитель, оказавшийся за пределами своей родины, не находил. Вся напряженность такого переживания революции высвечивается в свете его убеждения о резкой поляризации Божественных и антирелигиозных сил в мире, интенсификации процессов «общечеловеческого межевания... религиозной дифференциации человечества», ускорившихся в XX в. [9, с. 284]. Россия же, по мысли Ильина, благодаря роковому стечению обстоятельств стала ареной столкновения вселенского зла с Богом, что само по себе требовало бескомпромиссного самоопределения в собственной позиции.

В контексте такого апокалиптически окрашенного переживания революции, сложно связанного с ключевой для религиозного сознания идеей спасения, у Ильина постепенно формировалось неприятие русской революции в целом и большевизма в частности как феномена, обусловившего ее основную направленность и содержательное наполнение. Пояняя свою позицию, он писал: «Наше “расхождение” с большевиками совсем не “тактическое” только, как у социалистов; и не “программное” только, как у левых партий. Для нас эта борьба не сводится к “политике” и не исчерпывается “экономикой”. Для нас это, прежде всего, вопрос религии, духа и патриотизма; а все остальное есть лишь необходимое последствие и проявление главного» [10, с. 274]. Тем самым Ильиным был задан религиозно-духовный дискурс теоретическому осмыслению революции и советской истории. На эту особенность позиции русского автора уже в 1930-е гг. обратил внимание религиозный немецкий деятель В. Прессель, писавший в 1936 г.: «Для профессора Ильина большевизм – проблема религиозная, большевизм для него – решительная, фанатичная попытка борьбы против Господа Бога» [11, с. 582]. Впрочем, не следует преуменьшать и значения политической составляющей позиции Ильина, допускавшего любые формы борьбы, включая насильственные, с большевиками [12].

Не находя никаких позитивных достижений в пореволюционной России, Ильин пришел к мысли, что единственной задачей большевиков являлся захват власти в поверженной стране и превращение ее в «плацдарм мировой революции». Эта метафора и подобные ей («бочка с дегтем», «бумажный склад для мирового пожара» [13, с. 262]), не встречающиеся, как кажется, в доэмигрантских работах Ильина, со временем становятся ключевыми в его характеристике русской революции. Масштабы же

деструктивных процессов в стране как раз и подтолкнули его к мысли о большевиках как носителях воплощенного зла, выразителях сатанинской стихии. «Надо постоянно помнить, – подчеркивал ученый, – что такое сознательно обдуманное, организованное и не стыдящееся выступление зла мир видит впервые» [10, с. 262].

Обозначенные выше выводы Ильина в своей совокупности обусловили его итоговый вывод относительно природы революции: «...революция есть духовная, а может быть, и прямо душевная болезнь. Революция есть развязание безбожных, противоестественных, разрушительных и низких страстей; она рождается из ошибок правящей власти и из честолюбия и зависти подданных; она начинается с правонарушения и кончается деморализацией и гибелью» [10, с. 271–272]. Все прочие рассуждения Ильина о революции и пореволюционном строительстве в России, так или иначе, транслировались с этим его выводом. Религиозный дискурс исследования революции усложнялся пристальным вниманием ученого к комплексу конкретно-исторических факторов «внутрирусского» и «внешнеевропейского» порядка, в своем кумулятивном взаимодействии обусловивших неизбежность революции в России [8, с. 348–349].

В качестве иллюстрации к блоку «внутрирусских» причин революции могут служить его размышления относительно феномена «доверия» как стержневого компонента правосознания народа, выполняющего функцию интегрирующего начала в системе внутригосударственных отношений. Ослабление доверия к власти, тем более целенаправленно практикуемое, рассматривалось им в качестве важной причины и одновременно существенного признака революционного брожения в обществе [14, с. 374]. И это не случайно: Ильин справедливо полагал, что коррозия в сфере властных отношений неизбежно влечет за собой трансформацию и других социальных связей. Одной из ключевых причин революции в России он считал десакрализацию монархической идеи в сознании россиян – идеи, длительное время выступавшей ключевым организующим началом в стране. Специфичность ситуации заключалась в том, что деструкция монархического правосознания народа, обусловленная размыванием его доверия к монарху, осуществлялась при одновременном сохранении монархической формы государства. Это провоцировало глубочайший внутренний конфликт в обществе, разрушительный потенциал которого неуклонно усиливался вследствие сознательного и бессознательного его игнорирования носителями власти. «Трагедия России состояла в том, – писал ученый, – что... единения, в котором гетерономная форма государственности покрывается автономным приятием, не было;

хотя наверху считалось, что есть. Назревал и слагался раскол и разъединение между монархической формой государства и монархически не горящим правосознанием в стране» [9, с. 292–293].

Неизбежным следствием этого явилось формирование заколдованного круга: рост протестных настроений со стороны народа в стране своим негативом имел эскалацию насилия со стороны власти и наоборот. Отречение от престола императора, окончательно утратившего «волю к трону и волю к власти» [8, с. 344], довершило разрушение монархической идеи в сознании народа. Как настаивал Ильин позднее, это глубоко ошибочное решение Николая II окончательно расшатало и без того надорванное войной правосознание россиян.

Решающее значение в процессе расшатывания социального доверия как стержневого компонента правосознания Ильин приписывал русской революционной интеллигенции, причем с течением времени его критический накал в ее адрес лишь усиливался. Для понимания его концепции революции представляется необходимым освещение этих его взглядов, хотя бы в общих чертах. Согласно его логике, ключевым фактором, обусловившим негативные стороны русской революционной интеллигенции, являлась секуляризация ее сознания, парализовавшая способность к восприятию «Божьего присутствия в ходе истории» [8, с. 346]. Деформации сознания способствовало и поверхностное усвоение комплекса революционных европейских идей, что в своей совокупности привело к постепенному вытеснению из него политического и социального реализма, в том числе в части представлений об общественном идеале. «Она (интеллигенция. – Л.Г.) не понимала, – подчеркивал Ильин, – что Россия может строиться только самобытным творчеством, а не слепым заимствованием у Запада» [8, с. 353].

Негативным следствием этого явилась утрата революционной интеллигенцией доверия к созидательному потенциалу не только российской власти, но и собственного народа, при параллельном формировании чувства «сострадания» к нему и «вины» перед ним. Такая настроенность побуждала интеллигенцию к революционной активности, предполагавшей следование определенной поведенческой модели, включавшей «революционные обязательства».

В результате, полагал Ильин, происходила постепенная метаморфоза сознания: первоначальный импульс борьбы, связанный со стремлением к «свободе и справедливости», утрачивал свою изначальную смысловую нагрузку и подменялся привычкой к революционной работе, фактически направленной на расшатывание правосознания народа. «Революционность... утрачивает свое бывшее содержание, определявшееся сначала целью права; она ста-

новится сплошным отрицателем...», – подчеркивал автор [14, с. 353]. Параллельно из сознания интеллигенции выхолащивалось социально ценное представление о своем культурном предназначении и водительской функции, единственно оправдывавшей ее существование как социальной категории – «безыдейная интеллигенция не нужна своему народу» [8, с. 394].

Предпочтение социального идеала живой жизни обусловило ряд роковых по своим последствиям изъянов сознания русской революционной интеллигенции, таких как «маниловская мечтательность, доктринерство, политический максимализм и социальный утопизм» [8, с. 346]. В перечень характеристик интеллигентского сознания, содержащих в себе деструктивный заряд, Ильин, кроме того, включил превратное понимание социального равенства, деформированные представления о частной собственности и патриотизме. Эти и другие негативные черты в своей совокупности нашли яркую социальную проекцию в феномене «противогосударственности», основном, по мысли ученого, признаке русской революционной интеллигенции. В этой части размышлений Ильина несомненна его идейная близость к представлениям П.Б. Струве, – особенно почитавшегося им в эмиграции политического и общественного деятеля, – сформулировавшего еще в годы первой русской революции тезис о ее «безрелигиозном отщепенстве от государства» [15, с. 149].

Социально опасной и исторически бесперспективной оказалась неизменная готовность интеллигенции «поддержать всякое оппозиционное, противогосударственное, революционное начинание» [8, с. 346–347], при одновременном игнорировании позитивных достижений самодержавия. Например, в нежелании интеллигенции присоединиться к конструктивной деятельности Александра II ученый усматривал одну из основных причин противоречивости и непоследовательности «великих реформ» XIX в. В одной из своих последних работ Ильин писал: «Казалось бы, после великих реформ для русской передовой интеллигенции была открыта дверь к лояльному доверию и активному самовложению в строительство России. И понятно, что необходим был срок в 25–30 лет для жизненного освоения этих реформ – на пути “малых дел” и жизненно-конкретных задач. Казалось, путь был найден: Император становится во главе реформ и проводит их в порядке утверждения мнений совещательного меньшинства; передовой интеллигенции остается только воспринять и претворить эти реформы в жизнь... обновляя и упрочивая Россию... Но именно этого-то и не хотели русские республиканцы: они предпочитали отвергнуть эти реформы целиком, работать над изоляцией Государя и над компрометированием его дела и, наконец, обра-

титься к прямому убиению его» [16, с. 521]. Едва ли этот вывод Ильина может считаться вполне объективным. Во всяком случае, без должного его внимания осталась проблема нежелания российской монархической власти учитывать социально-политические эффекты модернизационных процессов в стране.

Оборотной стороной явного и скрытого отторжения самодержавного государства, свойственного интеллигенции, согласно Ильину, стала «сентиментально-непротивленческая» ее настроенность, выражавшаяся во враждебности к любым проявлениям принуждения и насилия со стороны государственной власти. Резюмируя свой анализ качественного состояния сознания русской революционной интеллигенции, ученый писал: «Эти предрассудки во многом подготовили и февральский переворот, и коммунистическую революцию» [8, с. 347]. В своем основном выводе относительно роли интеллигенции в революции, в частности в вопросе о расшатывании монархической идеи в сознании русского народа, Ильин не был одинок. Его идейный оппонент Н.А. Бердяев также отмечал в первое революционное время: «И все-таки нужно признать, что зло старой русской монархии было преувеличено, что она имела свою большую миссию в истории, и что проклятой она оказалась потому, что ее столетие проклинали» [17, с. 16]. Размышления Ильина содержали в себе еще один важный нюанс: согласно его мысли, интеллигенция сыграла решающую роль в формировании негативного имиджа российского самодержавия как силы крайне реакционной в глазах европейской общественности, что исключило любые усилия со стороны последней по сдерживанию революции в России.

В данном случае уместно коснуться некоторых факторов «внешнеевропейского» характера, которые, как отмечалось выше, также включались Ильиным в корпус причин русской революции. Заслуживает высокой оценки его стремление считаться с возросшей взаимозависимостью мира, игнорирование которой значительно преуменьшило бы сложность этого поистине ключевого события XX в. И это независимо от того, что в своем анализе Ильин сосредоточил внимание преимущественно на негативной составляющей международной коммуникации.

Одной из магистральных тем его концепции является тема прямой причастности Европы к русской революции. Согласно логике автора, это нашло свое наиболее яркое выражение в деструктивной деятельности Германии как конкурента России за мировое влияние и международного социалистического движения, ценности которого были навязаны русскому народу. Относительно последнего он писал: «Ныне коммунисты делают то самое, – подчеркивал он, – чего хотели, о чем мечтали, о чем

писали, что говорили социал-демократы и социалисты-революционеры всех стран. Готовили давно, весь девятнадцатый век... А большевики только отнеслись серьезно и активно – и к подготовке, и к словам... Все, что делали и делают большевики – все было выношено, высказано, воспето, возведено и задано к выполнению... социалистами всех стран» [18, с. 263].

Таким образом, для Ильина была несомненной глубокая внутренняя связь между методами большевистской партии, ее стратегией и тактикой, включая террористические ее компоненты, и теоретическими изысканиями и практикой европейских социалистов. Эти свои идеи автор артикулировал в статье «Кто совершил?» (1926), приуроченной к смерти Ф.Э. Дзержинского. Одним из внутренних ее посланий являлось предостережение европейской общественности от соблазна связать все негативные проявления революции в России лишь с ее особенностями или с нездоровой психикой отдельных российских политических деятелей. Ответственность за разгул террора в России автор статьи возлагал на «всех социалистов-интернационалистов всего мира. Ибо Дзержинский, – резюмировал Ильин, – по существу, творил их дело» [13, с. 262].

Тема прямой ответственности Запада за революцию в России, ставшая устойчивой в эмигрантский период творчества Ильина, усложнялась его более абстрактными обвинениями Запада в инициировании процессов секуляризации, трансформировавшими матрицу европейской культуры и способствовавшими ее кризису, выразившемуся с такой силой в стихии русской революции. Он писал: «Русская революция есть последствие и проявление глубокого мирового кризиса, переживаемого всеми странами, каждою по-своему... Сущность его в засилии материи и в бессилии духа» [8, с. 332]. Наиболее губительной для судеб мира и особенно России, согласно Ильину, явилась выношенная на Западе идея осуществимости секуляризированной государственности, реализация которой и была предпринята в стране победившей революции. Этот европейский по своим истокам замысел, теоретически подготовленный, по убеждению русского автора, Ф. Ницше и К. Марксом, получил в его интерпретации метафорическое определение «яд». Одна из его работ, специально посвященных этой проблеме, была им так и названа «Яд. Дух и сущность большевизма». В условиях переутомления России от войны, при отсутствии собственного «противоядия», она и явилась той «точкой наименьшего сопротивления», в которой появилась возможность применения этого «яда». Резюмируя свое видение проблемы, Ильин писал: «Эта зараза антихристианства была принесена в Россию с Запада» [8, с. 333].

Разрушительной для России оказалась и заимствованная из Европы программа экономического материализма и социализма, разработанная в целях преодоления кризиса европейской капиталистической экономики, но доверчиво воспринятая, по мысли Ильина, русской интеллигенцией в качестве действенного средства модернизации России. «Коммунизм же есть не что иное, как последовательно и безоглядно проведенный социализм. Так, Россия становится жертвою мирового капитализма и мирового социализма», – настаивал он [8, с. 335]. Заслуживает особого внимания это положение Ильина об асинхронности экономического развития Европы и России и ошибочности применения однотипных методов в процессе их модернизации, которое является одним из ключевых в его концепции. «Хозяйственный кризис, – подчеркивал он, – имел в России совсем иную природу, чем в Европе» [8, с. 337]. Существовавшие же альтернативные проекты модернизации России, например, в виде реформ П.А. Столыпина, деятельность которого им высоко оценивалась, в силу целого ряда неблагоприятных обстоятельств оказались нереализованными.

Пагубным для России стал и импорт западных политических идей, прежде всего «демократии и республики», во имя которых, как полагал Ильин, и была начата революция в стране. По его убеждению, их секуляризованный характер привел к выхолащиванию подлинного правосознания на самом Западе, в немалой степени способствуя формализации его социальных связей. В России же с ее иными традициями эти идеи привели к развязыванию «центробежных сил в стране», к утрате представлений о национальном и религиозном единстве народа [8, с. 335–336]. Однако общность проблемы, согласно Ильину, породила и общность угрозы большевизма всему миру. Вопреки широко распространенному в Европе представлению относительно национальной его природы, что произошло в значительной степени благодаря идейной влиятельности в Европе Н.А. Бердяева, Ильин настойчиво подчеркивал его универсальный характер [18, с. 7–26]. В значительной степени именно это убеждение обусловило своеобразие его версии революции. Согласно его логике, российским феноменом большевизм стал лишь в результате стечения ряда благоприятных для него обстоятельств.

В работе «Основы борьбы за национальную Россию» (1938) Ильиным была предложена емкая дефиниция большевизма как духовного феномена, обусловившего его политический стиль. Она гласила: «Большевизм есть не что иное, как последова-

тельно проведенная революция, ничем не сдержанный и все сметающий дух безбожия... дух восстания низшего на высшее... дух грабежа и террора. Этот дух заложен в каждой революции, хотя не каждая осуществляет его последовательно и до конца. Русская же революция явила его именно до конца» [8, с. 348]. Подобное предположение о сущности большевизма, экспликация которой предполагала лишь наличие благоприятных условий, главным из которых являлась деструкция христианской системы ценностей, позволяло Ильину видеть его присутствие в качестве болезненной потенции в любом обществе, на всех этажах социальной структуры. Степень ее выраженности связывалась им со степенью сопротивляемости национального организма бездуховности – «пошлости» в традиционном для русской философской мысли ее понимании [16, с. 444–445]. Согласно логике Ильина, вытеснение на периферию общественного сознания христианских ценностей неизбежно сопровождалось выхолащиванием истинного содержания ряда социально ценных качеств, способных обеспечить подлинную солидарность в обществе, таких как «правосознание», «патриотизм», «чувство чести», «долг», «совесть» и «вера». Интенсивность этих процессов как раз и являлась для христианского мыслителя показателем уровня «большевизации» общества.

Итак, восприятие Ильиным революции было неоднозначным на протяжении его жизни. Если первоначально революционные события в России оценивались им позитивно, то с течением времени пессимистические ноты в его размышлениях получили явное доминирование. По мере разворачивания революции, сопровождавшегося разрушением традиционных российских устоев, он все более утверждался в мысли о губительности ее для национального бытия России, что приобрело для него значение бесспорной истины после политической победы большевиков. В результате, в интерпретации ученого революция и инициированное ею пореволюционное строительство в стране оказывались начисто лишены каких бы то ни было позитивных аспектов. Едва ли можно согласиться с этим итоговим выводом Ильина, не учитывающим всю сложность и неоднозначность русской революции и советского варианта модернизации. Вместе с тем категоричность суждений ученого не должна заслонять тех значимых для понимания природы русской революции теоретических положений, которые, несомненно, содержатся в предложенной им объяснительной модели.

Поступила в редакцию 27.10.2006

Литература

1. Ильин И.А. О сроке созыва Учредительного собрания // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1999. Т. 5.
2. Евлампиев И.И. От религиозного экзистенциализма к философии православия: достижения и неудачи Ивана Ильина // И.А. Ильин: pro et contra. СПб., 2004.
3. Лисица Ю.Т. Иван Александрович Ильин // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 1.
4. Смирнов И.А. И.А. Ильин о духовном обновлении России // Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 годов: В 2 т. М., 1992. Т. 1.
5. О сопротивлении злу силой: pro et contra. Полемика вокруг идей И.А. Ильина // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1996. Т. 5.
6. Ильин И.А. Духовная культура и ее национальные вожди. Памяти князя Евгения Николаевича Трубецкого // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1999. Т. 5.
7. «О царской власти». Протокол заседания Братства во имя св. Софии Премудрости Божией 13/XI н. ст. 1924 г. (Прага) // Братство Святой Софии: Материалы и документы. 1923–1939 / Сост. Н.А. Струве. М.; Париж, 2000.
8. Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1996. Т. 5.
9. Ильин И.А. Государственный смысл Белой армии // Там же.
10. Ильин И.А. Родина и мы // Там же.
11. Предисловие к брошюре И.А. Ильина «Мученичество церкви в России» // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1998. Т. 7.
12. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1996. Т. 5.
13. Ильин И.А. Кто совершил? // Там же.
14. Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1994. Т. 4.
15. Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей 1909–1910. М., 1991.
16. Ильин И.А. О монархии и республике // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1994. Т. 4.
17. Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. Опыт 1917–1918. СПб., 1998.
18. Ильин И.А. Большевизм и кризис современного правосознания // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1998. Т. 7.

УДК 070(7/8):338«1944/1945»(47+57)

О.В. Рычкова

АМЕРИКАНСКАЯ ПРЕССА О ПРОМЫШЛЕННОМ ПОТЕНЦИАЛЕ СССР, 1944–1945 ГОДЫ

Вятский государственный гуманитарный университет

Близившееся окончание Второй мировой войны имело своим результатом не только трагические и невосполнимые людские и материальные потери. Отличительной чертой времени стали экономические изменения, наблюдавшиеся в хозяйстве ведущих государств антигитлеровской коалиции. Это во многом определяло подходы к послевоенному сотрудничеству как в масштабах мировой экономики, так и в рамках двусторонних связей. Поэтому американское восприятие качественных и количественных характеристик советской экономики было важной составной частью целостного образа Советского Союза.

Американская историография, освещающая экономический фактор в конце войны, в целом носит односторонний характер – исследователи в основном занимаются проблемой ленд-лиза [1–6]. Следует отметить, что большинство авторов в целом единодушны в том, что задачи ленд-лиза состояли не только в достижении скорой победы над врагом, но и в желании использовать экономические рычаги как средство для политического давления с целью

минимизировать возможность русского доминирования в Европе.

Необходимо отметить, что «экономическая» тематика в американской историографии содержит крайне мало материалов, непосредственно отражающих американское восприятие экономики СССР. Даже фундаментальный труд Р. Полларда «Экономическая безопасность и происхождение “холодной войны”» [7], выделяя экономическое соперничество как важнейший элемент противостояния СССР–США, лишь вскользь затрагивает проблему общественного мнения. Аналогичная картина наблюдается и в работе А. Милварда «Война, экономика и общество» [8]. Исследователь, фиксируя повышенный интерес американского общества к экономическим проблемам, незаслуженно мало внимания уделяет восприятию советской экономики.

Отечественная историография, отражающая американское восприятие экономики СССР, во многом ушла дальше американской в основном благодаря работам последнего времени. В первую очередь не-